

Сожгши бумажные деньги в память о своем покойном муже, Цзян Шэн стряхнул с себя пыль и вернулся в свою комнату, чтобы поспать.

Честно говоря, Цзян Шэн ещё не придумал, как сбежать.

Он никогда не делал ничего настолько дерзкого и захватывающего — ну, разве что однажды в старшей школе прогулял уроки, чтобы пойти в бар. Но тогда ему не повезло, и его поймали; Лу Янь впервые прикоснулся к нему, оставив отпечатки ладоней на каждой ягодице, и Цзян Шэн проплакал пол ночи в ярости — и в конце концов Лу Яню все равно пришлось его уговаривать.

Но на этот раз все было иначе.

Это был вопрос жизни и смерти.

Хотя воспоминания прежнего владельца тела были у Цзян Шэна обрывочными, он всё же мог примерно представить себе окружающую обстановку.

Чтобы сбежать, ему сначала нужен был предлог, чтобы покинуть столицу.

Вчерашний хаос затянулся, но на следующее утро во дворе снова раздался лязг.

То ли Цзян Янь испугался вчерашней порки, то ли что-то ещё, но сегодня он пришёл не для того, чтобы досаждать. Вместо него пришла госпожа Цзян, и, увидев двор, полный нефритовых сундуков и сокровищ, она в ярости схватилась за грудь.

«Цзян Шэн! Что ты сейчас делаешь?»

От вчерашнего болезненного юноши не осталось и следа. Цзян Шэн стоял на ступенях в облегающем зеленом халате, словно нежный побег бамбука, с поднятым подбородком, являя собой само воплощение высокомерия.

«Что, я выхожу замуж за Северного князя, и даже кое-что с собой взять не могу?»

Он приказал слугам: «Продолжайте упаковывать вещи. Наполните и сундуки тоже».

Казалось, он был готов раздеть семью Цзян догола.

Лицо госпожи Цзян позеленело от ярости, но она ничего не могла ему сделать.

В этот момент вбежал слуга. «Второй молодой господин, карета готова».

«Карета?» — резко раздался голос госпожи Цзян. Она резко обернулась и сердито посмотрела на него. «Ты ведь не собираешься бежать, правда?»

Цзян Шэн мило улыбнулся. «Что ты имеешь в виду? Я собираюсь в храм Гуаньюнь за городом, чтобы зажечь благовония для своей матери — по крайней мере, я должен сказать ей, что выхожу замуж за Северного князя. Если ты волнуешься, почему бы тебе не поехать со мной?»

Выражение лица госпожи Цзян изменилось.

При жизни матери Цзян Шэна, она была наложницей поместья и была обязана ежедневно оказывать почтение главной жене. Теперь, когда она наконец-то заняла это место, как она могла заставить себя воскурять благовония в память об этой женщине?

Она выдавила из себя натянутую улыбку. «Конечно, тебе следует поехать. Но в поместье есть другие дела; я не поеду с тобой».

Цзян Шэн тихонько рассмеялся и жестом подозвал: «Хорошо собирайте вещи, все вы. Я проверю, когда вернусь сегодня вечером. Если хотя бы в одном сундуке окажется недостача, я донёсу отцу на каждого из вас!»

Он поистине в совершенстве овладел искусством, в котором лиса заимствовала мощь тигра.

Весь двор, заполненный слугами, молча, склонив головы, был охвачен яростью и трудился.

Только тогда Цзян Шэн, прямо под носом у госпожи Цзян, с важным видом вышел из поместья Цзян и забрался в карету.

Всё это было умышленной дымовой завесой, которую он расставил, чтобы заставить семью Цзян поверить, что он действительно смирился с женитьбой на Северном Защитнике.

Они и не подозревали, что теперь начался настоящий полёт Цзян Шэна.

Сегодня он вырядился, как новогодняя ёлка: нацепил на себя всё, что только можно было унести. Ему хотелось воткнуть в голову пять-шесть нефритовых шпилек, на каждый палец надеть по нефритовому перстню, а на пояс повесить целую связку нефритовых подвесок.

В конце концов, после побега из усадьбы Цзян ему ещё предстояло выживать, и рассчитывать он мог только на это.

Вчера ночью Цзян Шэн наконец понял!

Если он смог переселиться сюда после смерти, то, может быть, — просто может быть, — и его муж тоже смог!

Лучше иметь надежду, чем не иметь никакой.

Как только он сбежит отсюда, он отправится на поиски своего мужа!

Карета резко остановилась, прервав его размышления.

Он приподнял занавеску и выглянул наружу — они приехали.

Храм Гуаньюнь был самым известным храмом в столице, благовоения в нем никогда не остывали; даже члены императорской семьи иногда приходили сюда помолиться.

Но храм находился на полпути к вершине горы, куда нельзя было добраться на повозке. Верующим приходилось подниматься пешком, и поэтому Цзян Шэн начал взбираться на гору, украшенный звенящими орнаментами.

Неважно, что он сам был избалован — Второй Молодой Господин, в которого он переселился, также был болезненным существом, нуждавшимся в отдыхе каждые два шага. К тому времени, как он достиг вершины, он задышался, обе ноги дрожали.

Измученный еще до начала побега.

Прибывшие слуги, по-видимому, по приказу, прилипли к нему, как клей; несколько раз Цзян Шэн не смог от них избавиться.

В большом зале царило оживление.

Цзян Шэн стоял на коленях на молитвенной подушке, сложив руки вместе, его губы шевелились в чем-то, что выглядело как бесконечная молитва — кто знает, о чем он еще просил Будду, и все это после всех разговоров так и не было закончено. На самом деле он украдкой вытягивал голову, чтобы посмотреть назад; сквозь толпу он видел слуг, все еще слоняющихся за пределами зала.

Честно говоря, они и так достаточно внимательно за ним следили.

Только что Цзян Шэн заявил, что жара невыносима, подsunул им серебро и велел пойти попить

воды из бобов мунг во двор — но они отказались даже от этого.

Что теперь? Как ускользнуть...

Цзян Шэн начал испытывать беспокойство.

В этот момент снаружи вошли несколько молодых монахов, за ними последовала колонна имперских гвардейцев в железных доспехах с клинками на поясах — внушавших страх с первого взгляда.

В зале раздался гул.

На то, чтобы разобраться во всём, потребовалось некоторое время: Князь, охраняющий Север, внезапно решил зажечь Лампу Долголетия в память о своей жене, и весь храм нужно было очистить.

Все верующие должны были спуститься по горной тропе, расположенной в глубине горы.

Впервые Цзян Шэн получил наглядное представление о древних привилегиях.

Какое огромное влияние оказывают официальные лица!

Чтобы зажечь лампу, пришлось очистить весь храм.

Подождите... это же Северный князь!

Почему это показалось ему знакомым?

Это точно не тот мужчина, за которого он завтра выходит замуж!

Чёрт возьми! Цзян Шэну хотелось выругаться.

Сегодня зажигает лампу долголетия за жену, а завтра уже ищет новую? Мерзавец!

Но-

Цзян Шэн закатил глаза.

Это было идеальное решение для его побега.

И действительно, слуги у двери уже вошли в холл, встревоженно разыскивая его. Цзян Шэн тихонько отступал шаг за шагом, прячась в толпе и медленно продвигаясь к выходу.

Слегка сутулясь, его от природы стройная фигура идеально сливалась с толпой.

Как только он оказался снаружи, он выдохнул, ускорил шаг и незаметно проскользнул сквозь щели.

Он не мог следовать за всеми по узкой тропинке — это было слишком заметно; слуги легко могли его поймать.

На самом деле, еще до восхождения на гору у Цзян Шэна уже была определенная цель.

В его воспоминаниях, поскольку его мать была набожной, он часто приходил с ней в храм Гуаньюнь в детстве. Он знал путь вниз с горы — не совсем тропу, скорее короткий путь, которым пользовались молодые монахи. Местность была труднопроходимой, но лучше, чем быть пойманным.

Следуя своей памяти и ориентируясь по направлению, Цзян Шэн обошел двор сзади. Там никого не было, но императорские гвардейцы все еще стояли на страже.

Цзян Шэн спрятался в углу, прикрыв рот рукой, и даже дыхание его было приглушенным.

Попадание в руки людей Северного Защитника закончилось бы так же плохо, как и попадание в руки семьи Цзян.

Присев на корточки, он медленно продвигался боком, пока не спрятался за деревом. Только убедившись, что его не заметили, он повернулся и бросился бежать.

В тот же миг, как он побежал, Чэн Цзин выскочил из-за поворота, патрулируя окрестности.

«Маленький генерал Чэн».

Каждый раз, когда Чэн Цзин слышал такое обращение, его лицо становилось угрюмым.

Почему его брата звали «Генерал Чэн», а его самого — «Маленький генерал Чэн»?

Он изобразил отстраненность и кивнул. «Что-нибудь необычное?»

«Докладаваю, генерал, всё в порядке».

В последнее время эти люди действовали все агрессивнее — покушения происходили каждые несколько дней. Очистка храма была хлопотной и вызывала критику, но, по крайней мере, гарантировала безопасность князя.

Кроме того, репутация князя и так была настолько отвратительной, что несколько дополнительных блох ему бы не повредили.

Чэн Цзин обвёл взглядом окрестности. «Будьте настороже. Его высочество вот-вот прибудет. Чтобы ни один комар не проскочил. Случись хоть малейшая оплошность, вам тоже несдобровать».

«Подчинённые понимают».

Высказав свои угрозы, Чэн Цзин кивнул и продолжил патрулирование в тылу.

На той же горе Цзян Шэн бежал вниз, а Лу Янь медленно поднимался вверх.

Чэн Юй, идя следом за Лу Янем, не удержался и сказал: «Ваше Высочество, паланкин вполне может вас поднять. Зачем же вам изнурять себя?»

Выражение лица Лу Яня было мягким. «Искренность приносит чудеса».

Веки Чэн Юя дёрнулись.

Услышать это из уст Лу Яня было довольно забавно.

Человек, который обезглавливал врагов на поле боя, словно нарезаая арбузы, — и он верил в это.

Впрочем, если подумать, это имело смысл.

Всякий раз, когда в дело вмешивалась эта «жена», Его Высочество переставал быть нормальным.

Ранней весной прошлого года Его Высочество получил отравленную стрелу. Божественный целитель поместья делал иглоукалывание, когда Его Высочество внезапно вырвал кровью, вероятно, в бреду. Чэн Юй стоял рядом и слышал, как тот снова и снова бормотал «Шэншэн».

По всей видимости, это было имя «жены».

На грани жизни и смерти Его Высочество все еще звал этого человека.

Зажигание Лампы Долголетия в память о его жене было ежегодным ритуалом — предположительно, ее день рождения приходился на зимние месяцы, хотя в этом году он вышел немного раньше.

Он украдкой взглянул на мужчину рядом с собой и тут же отвел взгляд.

Думая о присущей Его Высочеству холодной и свирепой суровости, было трудно представить, как он обращался со своей женой.

К тому времени, как они поднялись к храму Гуаньюнь, территория была полностью расчищена.

Настоятель, слегка поклонившись, проводил ожидавших его молодых монахов. «Ваше Высочество».

Лу Янь сложил ладони вместе и поклонился. «Мастер Кунцзин».

Выражение его лица немного смягчилось, оно стало менее ледяным, чем прежде, а тон — мягче. «Успокаивающие благовония, которые вы мне дали в прошлый раз, сработали чудесно».

Лу Янь вошёл в зал вместе с мастером; Чэн Юй и другие монахи не осмелились последовать за ним.

Кунцзин тихо сказал: «В этом году Ваше Высочество пришел раньше».

Лу Янь тихонько произнес «мм». ««

Я в последнее время всё время его вижу во сне».

Кунцзин беспомощно вздохнул. «Ваше Высочество напрасно утруждает себя этим. Сколько бы благовоний вы ни сжигали, какой от этого толк?»

Лу Янь больше ничего не сказал. Он подошел к внутреннему святилищу в глубине дома, с привычной легкостью открыл потайную нишу, и внутри лежала нефритовая табличка долголетия.

С самого первого дня своего пребывания в храме Гуаньюнь он приказал вырезать эту табличку,

и с тех пор каждый год зажигалась Лампа Долголетия.

Кунцзин закрыл для него двери зала.

Последние лучи света проникали сквозь щель в двери, настолько слабые, что можно было почти разглядеть пылинки, парящие в воздухе.

Лу Янь склонил голову, прижав лоб к нефритовой табличке.

«Шэншэн, я очень по тебе скучаю».

«Ты в последнее время вёл себя хорошо? Слушайся папу с мамой и старшего брата. Нельзя привередничать в еде, зимой нельзя носить тонкую куртку».

Каждый раз Лу Янь бормотал что-то подобное.

Он уже не знал, что еще сказать Цзян Шэну.

Восемь лет.

Столько времени прошло — кровопролитие, власть, интриги.

Он много раз просыпался от снов, недоумевая, остался ли он тем современным Лу Янем, который женился на Цзян Шэне, или же он действительно является Северным Защитником Великого Гань, стоящим на втором месте после императора?

То, что время стирало из памяти, воспоминания оставляли еще более глубокими.

Он не мог забыть — да и как он посмел забыть?

В тускло освещенном зале мужчина стоял на коленях, окруженный развевающимися одеждами. Наклонившись вперед и крепко сжимая нефритовую табличку, этот высокий, неприкасаемый князь на этот раз выглядел одиноким и жалким.

<http://bllate.org/book/21696/2237919>